

УДК 910:343.9
DOI 10.17150/2500-4255.2021.15(2).159-166

КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ СТРАНОВЕДЕНИЕ КАК НАПРАВЛЕНИЕ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

С.М. Иншаков

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления
8 февраля 2021 г.
Дата принятия в печать
5 апреля 2021 г.
Дата онлайн-размещения
30 апреля 2021 г.

Ключевые слова

Страноведение; регионоведение;
криминологическое страноведение;
криминологическая парадигма;
цивилизационный тип преступности

Аннотация. В статье предлагается возродить в рамках криминологии один из традиционных подходов к изучению особенностей жизни в различных уголках планеты — страноведение. Страноведение определяется как всестороннее изучение страны, ее территории, населяющих ее народов и племен, а также особенностей государственного устройства, социальных и политических процессов, институтов и иных феноменов, которые могут представлять исследовательский интерес. Показано соотношение страноведения и регионоведения, раскрыты предпосылки формирования страноведения как источника информации, имеющей практическое значение, и метода фундаментального познания природы и социума. Исследуются основные этапы формирования страноведения в качестве самостоятельной дисциплины и научного направления, анализируются отдельные его отрасли: военное и криминологическое страноведение, востоковедение и др. Криминологическая составляющая страноведения играла значимую роль на самых ранних этапах формирования данной дисциплины. Раскрыта сущность криминологического страноведения, значимость этого направления научного поиска, проведена дифференциация криминологического страноведения и таких научных конструктов, как география преступности и региональные различия криминально-криминогенного феномена. Продемонстрировано отличие криминологического страноведения от компаративизма как метода криминологических исследований. Страноведение обосновывается в качестве предпосылки формирования новой криминологической парадигмы. Одновременно криминологическое страноведение рассматривается как продуктивный метод познания новых закономерностей в криминальной сфере, открывающий перед исследователями широкие горизонты познания. Названы преимущества изучения различных аспектов жизни страны как показателей преступности по сравнению со статистическим анализом. Приводятся примеры выявления фундаментальных закономерностей криминально-криминогенного феномена на основе страноведческих исследований. Значительное место занимает сравнительный анализ коррупции в Китайской Народной Республике, Российской Федерации и на Украине. Сопоставляется объективность статистических данных об уровне коррупции и страноведческих индикаторов глубины пораженности социума коррупционными процессами. На основе данных криминологического страноведения обосновывается цивилизационный подход к исследованию ненормативного поведения и криминальной сферы, выделение цивилизационных типов преступности.

CRIMINOLOGICAL ASPECT OF AREA STUDIES AS A TREND IN THE SCIENTIFIC STUDY OF CRIME

Sergei M. Inshakov

Moscow State Linguistic University, Moscow, the Russian Federation

Article info

Received
2021 February 8
Accepted
2021 April 5
Available online
2021 April 30

Abstract. The author suggests reviving one of the traditional approaches to researching life in different regions — area studies — within the framework of criminology. Area studies are defined as a comprehensive study of the country, its territory, people and tribes that inhabit it, as well as specific features of its state system, social and political processes, institutions and other phenomena that could present interest for research. The correlation between area studies and regional studies is shown, and the prerequisites for the development of area studies as a source of practical information and a method of fundamental cognition of nature

Keywords

Area studies; regional studies;
criminological aspect of area studies;
criminological paradigm; civilizational
type of crime

and society are described. The author studies key stages of the development of area studies as an independent discipline and as a field of research and analyzes its specific branches: military and criminological area studies, Oriental studies, etc. The criminological component of area studies played a significant role at the earliest stages of this discipline's development. The author also describes the essence of criminological area studies, shows the significance of this field of research, delineates criminological area studies and such research fields as the geography of crime and the regional differences of criminal-criminogenic phenomenon. The difference between criminological area studies and comparativism as a method of criminological research is shown. It is proven that area studies are a prerequisite for the development of a new criminological paradigm. At the same time, criminological area studies are viewed as a productive method of understanding new regularities in the criminal sphere that opens up new knowledge frontiers for researchers. The author describes the advantages of studying different aspects of a country's life as indicators of crimes in comparison with statistical analysis. Examples of identifying fundamental regularities of the criminal-criminogenic phenomenon based on area studies are presented. Considerable attention is paid to the comparative analysis of corruption in the People's Republic of China, the Russian Federation and Ukraine. The author compares the objectivity of statistical data on the level of corruption and the area studies' indicators of the degree to which a society is affected by corruption processes. Using the data of criminological area studies, the author argues for the civilization approach to researching deviant behavior and the criminal sphere as well as for identifying civilizational types of crime.

Страноведение — одно из продуктивных направлений исследования окружающего мира во всем его разнообразии. История страноведения и одной из его отраслей (криминологического страноведения) насчитывает многие столетия. Однако в наше время это направление оказалось в тени таких сегментов криминологической науки, как компаративизм, география преступности, региональные особенности криминально-криминогенного феномена. Тот факт, что значительные возможности криминологического страноведения в ходе исследования преступности реализуются не в полной мере, можно отнести к недостаткам научного структурирования. Представленная статья ориентирована на более полное раскрытие потенциала криминологического страноведения как одного из научных направлений, а также на совершенствование глобальной структуры криминологии.

Страноведение в системе научного познания

Страноведение — всестороннее изучение страны, ее территории, населяющих ее народов и племен, а также особенностей государственного устройства, социальных и политических процессов, институтов и иных феноменов, которые могут представлять исследовательский интерес. В тесном сопряжении со страноведением находится регионоведение, которое корректно рассматривать и как детализацию страноведческих знаний (исследование отдельных регионов страны), и как укрупнение исследовательского

масштаба (изучение группы стран определенного региона, например Ближнего Востока) [1–12].

Истоки страноведения мы находим в военном деле (военная разведка) и в международной торговле. Эпоха Великих географических открытий стала временем бурного развития страноведения и превращения его в относительно самостоятельную область познания. Термин «относительно самостоятельная» используется в связи с тем, что со страноведением теснейшим образом были связаны география, геология, топография, картография, океанография, климатология. Интересно, что криминологическая составляющая просматривается уже в самых ранних страноведческих исследованиях. Например, инфант Португалии Генрих Мореплаватель (1394–1460), снаряжая морские экспедиции Васко да Гамы, ставил перед ним задачу узнать, насколько агрессивны народы, населяющие ту или иную землю (опасно ли кораблям приставать к этим побережьям, представляют ли местные аборигены угрозу экипажу и кораблю), что ценного имеется в этих землях, можно ли отобрать это у аборигенов силой (а если нельзя, то на что можно выменять) [13, р. 77].

В какой-то мере результатом пробелов в области криминологического страноведения стала гибель известных мореплавателей Фернана Магеллана и Джеймса Кука. Первого агрессивные аборигены одного из тихоокеанских островов убили, а второго жители Гавайских островов убили и съели [14, р. 150].

В Новое время страноведение конституировалось в самостоятельную дисциплину и научное направление. Системное изучение самых разных аспектов жизни различных стран стало основой внешней политики, военной стратегии и международных отношений, транснациональной торговли и экономического сотрудничества, а также разведывательной и дипломатической деятельности. Решало страноведение и научные проблемы в сфере накопления и систематизации знаний о различных регионах мира. Эти познания носили не только прикладной, но и фундаментальный характер. Особенность фундаментального познания заключается в накоплении знаний, которые влияют на социальную практику не непосредственно, а через систему трансформации знаний об общих закономерностях в прикладные рекомендации и технологии либо посредством воздействия на общую культуру.

Понятие криминологического страноведения

Криминологическое страноведение корректно рассматривать как отрасль общего страноведения (наряду, например, с военным страноведением, востоковедением и др.). В этом ракурсе данный вид страноведения является одним из направлений исследования преступности. В то же время вполне обоснованной будет постановка вопроса о том, что криминологическое страноведение представляет собой один из методов исследования закономерностей в криминальной сфере. Метод весьма специфичный, комплексный, но все же исследовательский. Как будет разрешена эта дилемма (научное направление или исследовательский метод) с точки зрения практической значимости и эвристической ценности рассматриваемого научного конструкта, в общем-то, непринципиально. Ну а любители тонких проблем и научной чистоты могут подискутировать на эту тему.

С криминологическим страноведением очень тесно сопряжены концепты географии преступности и территориальных различий криминально-криминогенного феномена. При всей близости данных теоретических конструкций следует признать, что термин «страноведение» в большей мере характеризует процесс познания, процесс получения новой информации, а география преступности и территориальная дифференциация преступности — это скорее результат познания, результат аналитической деятельности.

В современных условиях криминологическое страноведение оказалось в тени компаративизма — сравнения преступности в разных странах и аналитики, направленной на изучение зарубежных криминологических теорий. Однако пришла пора вывести это научное направление из тени. У криминологического страноведения и компаративизма много общих исследовательских сфер, но есть и своя специфика.

Страноведение как фактор формирования новой криминологической парадигмы

Современная парадигма классических компаративистских криминологических исследований предполагает сравнительный анализ статистических данных о состоянии, структуре и динамике преступности. Однако надо заметить, что это сравнение обретает высокий уровень достоверности и научности лишь при условии учета данных о латентной преступности. В противном случае сравнение преступности может обернуться сравнением искусства укрытия преступлений и фальсификации статистических данных, что в современной социальной практике нередко становится нормой, а не исключением.

Исследование статистических показателей преступности в разных странах — это не самоцель. Сверхзадача таких исследований — понять, насколько эффективно в той или иной стране функционирует система профилактики преступлений, насколько результативна борьба с преступностью. При этом, несомненно, не только статистические данные о зарегистрированной преступности являются показателями благополучия общественной системы и эффективности социальной практики. Например, количество решеток на окнах может быть более надежным показателем уровня квартирных краж. Или другой пример: в нашей стране забор, оборудованный проволокой с пропущенным по ней электрическим током, ассоциируется с фашистскими концлагерями времен Великой Отечественной войны. У нас это не только не принято, но и может быть квалифицировано как преступление, а вот в Южно-Африканской Республике это норма. В данном ракурсе это более надежный аналитический метод (характерный для криминологического страноведения), чем таблицы статистических данных. Точно так же довольно красноречивым показателем уличной преступности в ЮАР является законодательное разрешение не останавливаться на

перекрестках крупных городов на красный сигнал светофора после 18 ч. Этот факт позволяет хорошо прочувствовать уровень криминальных угроз в Йоханнесбурге или Кейптауне.

Конечно, при наличии надежных данных о фактической преступности на этой основе можно делать серьезные выводы и о криминальной ситуации в стране, и об эффективности социальной практики. К сожалению, в последние годы проблема объективности криминальной статистики остро стоит даже в таких странах, как Германия или Франция, которые 10–20 лет назад можно было уверенно отнести к эталонам полноты регистрации преступности. Сегодня достоянием общественности становится информация о том, что полиции в странах Евросоюза политическое руководство не рекомендует регистрировать преступления мигрантов. Акции общественных протестов против этого прошли во многих европейских странах. В Чехии, например, полицейские устроили демонстрацию у шведского посольства в Праге в поддержку своих коллег из этой скандинавской страны, которым не позволяют реагировать на преступления мигрантов в соответствии с законодательством [15].

Даже в Марселе почти половина города не контролируется полицией. Глава французской семьи, переехавшей на постоянное жительство в Россию, поведал интересный факт, достаточно красноречиво характеризующий криминальную ситуацию во Франции. На выходе из супермаркета в Марселе к его жене стали навязчиво приставать арабские мигранты (в Чечне за такое приставание их бы убили). Он вызвал полицейских, которые, не приняв никаких мер, порекомендовали им сменить место жительства — переехать в другой район [16]. Тот факт, что муниципальные власти во многих районах Франции привлекают к охране порядка представителей чеченской диаспоры (что-то наподобие наших дружинников), куда более объективный показатель состояния общественного порядка и эффективности деятельности французской полиции, чем криминальная статистика¹.

На этом фоне можно констатировать потребность в коррекции устоявшейся криминологической парадигмы, одним из элементов которой является презумпция достоверности статданных о преступности. В данном ракурсе развитие такого научного направления, как кри-

минологическое страноведение, оказывается весьма продуктивным подходом к проведению исследований в криминальной сфере. В силу того что объект криминологического страноведения включает самый широкий спектр социальных феноменов, имеющих отношение к преступности, его можно считать универсальным инструментом научного познания. Делаю акцент на том, что криминологическое страноведение — это научное познание. Физики иногда делят свою науку на толстую и тонкую физику [17]. Толстая физика вскрывает предельно общие (толстые) закономерности, тонкая физика детально исследует различные аспекты данных закономерностей. С этой точки зрения криминологическое страноведение корректно полагать толстой криминологией. Ее задача — выявлять закономерности бытия криминального феномена, просеивая через сито научных понятий и концепций различные социальные факты, имеющие отношение к преступности в разных странах.

Эвристичность криминологического страноведения

Страноведческий подход охватывает анализ и криминальной обстановки, и истории страны. Рассмотрим, например, в качестве объекта криминологического страноведения Австралию, которая до сего времени имеет статус доминиона Британского Содружества (ее конституция одобрена королевой Великобритании Викторией). Известно, что с конца XVIII в. этот континент Великобритания использовала как место ссылки преступников. Они представляли основной массив белого населения Австралии. При этом в XX в. криминальная ситуация в этой стране была одной из самых благополучных в мире. Нехитрый логический анализ показывает: если бы склонность к преступному поведению передавалась по наследству, Австралия была бы квинтэссенцией криминальности, но этого нет. И это серьезный аргумент против теории криминальной наследственности. Напротив, в 30-е гг. прошлого века Гитлер активно реализовывал в Германии практику очищения страны от лиц с неблагоприятной генетической природой, но сделать Германию страной без преступности ему не удалось. А вот некорректная миграционная практика, основанная на достаточно уязвимой теории мультикультурализма, и в Австралии, и в Германии стала мощным криминальным фактором.

¹ Чеченская диаспора предъявила Франции свои порядки // Взгляд. URL: <https://vz.ru/turbopages.org/vz.ru/s/world/2020/6/18/1045514.html>.

Другой пример. Сегодня коррупция обрела статус самой популярной проблемы. Казалось бы, общество без коррупции — это социальный идеал. Однако если в качестве объекта криминологического страноведения взять Сомали, то угол зрения может измениться, соответственно, изменятся и выводы. В ходе гражданской войны эта страна была фрагментирована. Правительство в Сомали есть, но оно контролирует лишь малую часть территории государства (даже не всю столицу — Могадишо). Реальной властью на местах являются полевые командиры. Они опустили Сомали в цивилизационном развитии на несколько ступеней вниз, и коррупция там исчезла. Коррупция — это в основном хитроумные схемы, используемые различными должностными лицами для расхищения национального достояния. Полевые командиры не «мудрствуют лукаво», на смену хитроумным схемам пришло насилие. Они не расхищают бюджетные средства: там нет такого института, как бюджет, в привычном для нас понимании этого слова. Свой профит они получают довольно просто: вооруженный отряд нападает на поселок, забирает все ценное, мальчиков мобилизуют в свой отряд, девочек отправляют в рабство. Вот и возникает сомнение, стоит ли избавляться от коррупции любыми способами.

Кстати, весьма ненадежным показателем уровня коррупции оказываются статистические данные. Возьмем три страны — Китай, Россию и Украину. Если сравнивать статистические данные о лицах, привлеченных к уголовной ответственности за получение взяток и хищение бюджетных средств, то может сложиться мнение, что КНР просто погрязла в коррупции², а самой благополучной в этом отношении страной является Украина. И многие украинцы этому верят. Традиционная криминологическая парадигма не очень эффективна в системе научного поиска, но весьма эффективна в пропагандистской системе (это еще советское наследие).

Куда более надежным показателем пораженности страны коррупцией служат результаты экономической деятельности, по которым можно судить о способности государства решать сложные и масштабные социально-экономические проблемы. Так, в Китае успешно завершено строительство крупнейшей в мире электростанции на р. Янцзы («Три ущелья»). Сметная

стоимость электростанции — 35 млрд долл. По оценкам экспертов, коррупционная емкость проекта составила порядка 5 млрд долл. Китайские строители не только успешно завершили строительство, но и сумели снизить его реальную стоимость до 30,5 млрд долл.³ Конечно, без коррупции было бы лучше, но в целом (если суммировать коррупцию и творческий подход к развитию экономических технологий) китайский народ оказался в выигрыше за счет уменьшения сметной стоимости. В России так не получается. Большие проекты мы реализовывать еще можем (олимпийский комплекс, космодром, мост через Керченский пролив), но вот сметная стоимость таких объектов всегда возрастает (иногда в разы). Однако «самой некорруптированной державе», каковой на основе статанализа могла бы быть признана Украина, не под силу реализовывать даже такие проекты, как строительство типового моста среднего уровня сложности. Там, где компаративизм дает осечку, криминологическое страноведение оказывается вполне надежным инструментом исследования реальной преступности.

Огромное количество интересных феноменов остается за пределами восприятия исследователей, работающих в рамках традиционной парадигмы. Возьмем, к примеру, Сахару. Никакого статистического учета преступности там не налажено. Значит ли это, что данная территория не представляет никакого интереса для криминологов? Можно ли оценить преступность в Алжире или Ливии, не беря во внимание эти пустынные регионы, которые практически не контролируются правительствами этих стран? Там закон — бархан, а прокурор — песчаная буря. У туарегов (сахарских аборигенов) есть обычай скрывать свое лицо. Если лицо мужчины кто-то увидел, он должен либо убить этого человека, либо покончить с собой. Рабство в Западной Сахаре на законодательном уровне было отменено лишь в 2006 г. — это де-юре. Де-факто оно как было, так и осталось. В плане работорговли в последние годы достойную конкуренцию ей составляет Ливия. Архаика, словно магнитом, тянет эти государства на нижние ступени цивилизации⁴. И, вероятно, здесь просматривается фундаментальная закономерность. Цивилизованные страны прилагали усилия, чтобы поднять народы этих стран по цивилиза-

² Как в Китае борются с коррупцией // 9111.ru. Юридическая социальная сеть. URL: <https://www.9111.ru/questions/77777777880828>.

³ Три ущелья (электростанция) // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>.

⁴ URL: https://wikichi.ru/wiki/Slavery_in_Africa.

ционной лестнице. В Сомали с помощью СССР строили социализм. Ливия реализовывала оригинальное государственное устройство — джамахирию. Джамахирия — это власть народных масс, не народа, а именно масс. Вероятно, в этом политическом конструировании массовые протесты были запрограммированы, а может быть, термин «массы» употребили потому, что народ в Ливии еще не сформировался. Уровень жизни в этих странах был достаточно высоким, но массы не готовы были воспринять достижения цивилизации как ценность. С энтузиазмом разрушали они то, за что, на наш взгляд, им следовало бы держаться. В результате Сомали превратилась в крупнейшую пиратскую державу, а Ливия распадается на племена с возрождением такого экзотического учреждения, как невольничий рынок.

Цивилизационное развитие, вероятно, имеет законы естественного хода: временные и структурные параметры, которые невозможно преодолеть посредством внедрения неорганичной идеологии и неорганичного для страны и культуры народа государственного устройства. Нарушение фундаментальных законов цивилизационного развития — это не только криминогенный фактор, это фактор социальной дезорганизации, гражданской войны и тотального насилия.

Преступность здесь иная не только по структуре, но и по сути. Наиболее рельефно это выражается у первобытного африканского племени цамаи. Уголовный кодекс здесь все знают наизусть, и не только потому, что у племени нет письменности. Их кодекс очень короткий, в нем всего три статьи. Общая часть гласит: за все преступления — смерть. Особенная часть включает два состава: первый — запрет говорить неправду, второй — запрет брать чужие вещи. Эти люди живут в иной реальности, у них иная социальная психика. Их естественное право таково, что у цивилизованного человека вызывает оторопь. Однако здесь тоже просматриваются весьма значимые закономерности. В формировании того, что принято называть естественным правом, роль социальной психики так же значима, как роль высших сил. Чем лаконичнее уголовное право, тем выше его эффективность. Нарушение названных неписаных правил в племени цамаи — большая редкость, а вот до осознания необходимости запрета убийства их психика пока недотягивает. Кстати, по мнению историков, в первобытном обществе первые социальные запреты были столь же экзотичны,

например запрет половых отношений между мужчиной и женщиной во время войны и накануне охоты [18–23].

Преступность в отдельных регионах планеты либо не ухватывается нашей научной парадигмой, либо не вмещается в нее. Цивилизационный тип преступности — вот одна из «толстых» проблем криминологического страноведения. Каждому типу должны соответствовать частные криминологические теории и специфические методы исследования.

Исследование социумов первобытных племен, их типология были положены Э. Фроммом в основу разработанной им теории человеческой деструктивности. В его исследовании синтез страноведения, регионоведения, этнографии, социальной психологии и других научных направлений позволил сделать прорыв в понимании агрессивного поведения. Фундаментальные исследования Э. Фромма трансформировал в прикладную теорию [24].

К числу главных проблем развития криминологического страноведения, несомненно, относится формирование и совершенствование методики страноведческого анализа криминальной ситуации в той или иной стране. Особенно актуально это по отношению к странам, о которых мало информации, а сведения о преступности в них неполны и фрагментарны. Экстраполировать эти сведения в более или менее целостную характеристику криминальной сферы исследуемой страны непросто. Здесь-то и следует сконцентрировать главные усилия специалистам.

Самостоятельная проблема — оценка преступности в стране по косвенным признакам. Эти признаки требуется не просто систематизировать, сверхзадача здесь — разработка математического аппарата (расчет интенсивности проявления признака, корреляционной зависимости между ним и уровнем преступности).

Криминологическое страноведение должно быть ориентировано на анализ фактической преступности в стране. Это чрезвычайно сложная задача. Даже в нашей стране не так просто исследовать латентную преступность. Данная задача многократно усложняется применительно к зарубежным государствам. К числу индикаторов латентной преступности можно отнести такие показатели, как уровень социальной дезорганизации в стране, процент территории, контролируемой представителями власти. Учитывая, что и сами индикаторы нуждаются в серьезной научной проработке, а в отдельных

случаях для этого необходимо разработать частную концепцию или даже теорию (например, применительно к уровню социальной дезорганизации), корректно будет отнести эту задачу к категории сверхсложных.

Колоссальную роль в развитии криминологического страноведения играет международное сотрудничество, обмен научной информацией между исследовательскими коллективами разных стран. Весьма актуальная организационная проблема — создание в развитых странах научно-исследовательских центров криминологического страноведения. Не будет преувеличением констатировать, что в России наиболее оптимально такой центр было бы создать в Московском государственном лингвистическом университете. Впрочем, подобных центров может быть несколько, и каждый из них мог бы украсить научное сообщество любого университета. Указанные структуры могли быть стать не только субъектами координации страноведческих исследований, но и центрами концентрации специальной научной информации, а также организации международного сотрудничества.

Любое исследование — это и достижения (решение поставленных задач), и открытая дверь к новому комплексу проблем. Парадоксально, но в XXI в. мы не располагаем данными о преступности в некоторых странах. Формирование всеобъемлющего страноведческого справочника («Преступность в странах мира») или даже энциклопедии — актуальнейшая задача рассматриваемого научного направления. Изучить преступность во всех странах мира и в отдельных регионах — проблема грандиозная, возможно, для ее решения одной жизни будет мало, но в этом и суть научного направления — одни ученые начинают, другие продолжают. Древо познания обретает все новые и новые побеги, отрасли.

Криминологическое страноведение открывает перед исследователями необъятные горизонты познания. Нильс Бор как-то заметил: если при размышлении над научной проблемой у вас не кружится голова, значит, вы занимаетесь ерундой. При охвате мыслью всего комплекса проблем, стоящих перед криминологическим страноведением, впору закружиться голове.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Демина Н.А. Страноведение Китая. В 2 ч. Ч. 1 / Н.А. Демина, Чжу Канцзи. — Москва : Толмач, 2018. — 329 с.
2. Драчева Е.Л. Страноведение. Германия. Италия. Финляндия / Е.Л. Драчева. — Москва : Книгодел, 2018. — 532 с.
3. Климанова О.А. География. Страноведение : учебник / О.А. Климанова, В.В. Климанова, В.И. Сиротин. — Москва : Дрофа, 2017. — 290 с.
4. Кужель Ю.Л. Страноведение — ОАЭ, Япония, Китай / Ю.Л. Кужель, А.О. Яворская, Т.Т. Христов. — Москва : Книгодел, 2020. — 278 с.
5. Леонович О.А. Страноведение. Великобритания / О.А. Леонович. — Москва : КДУ, 2020. — 179 с.
6. Токарева Н.Д. Америка. Какая она? / Н.Д. Токарева, В. Пеппард. — Москва : Высш. шк., 2016. — 349 с.
7. Дергачев В.А. Регионоведение / В.А. Дергачев. — Москва : Юнити-Дана, 2004. — 250 с.
8. Kuijper H. Area Studies versus Disciplines: Towards an Interdisciplinary, Systemic Country Approach / H. Kuijper // The International Journal of Interdisciplinary Social Sciences. — 2008. — Vol. 3, iss. 7. — P. 205–216.
9. Miyoshi M. Learning Places: The Afterlives of Area Studies / M. Miyoshi, H.D. Harootunian. — Durham : Duke Univ. Press, 2002. — 424 p.
10. Schäfer W. Reconfiguring Area Studies for the Global Age / W. Schäfer // Globality Studies Journal. — 2010. — № 22. — URL: https://www.researchgate.net/publication/292427453_Reconfiguring_area_studies_for_the_global_age.
11. Sideway J.D. Geography, globalization and the problematic of area studies / J.D. Sideway // Annals of the Association of American Geographers. — 2013. — Vol. 103, iss. 4. — P. 984–1002.
12. Smith N. Remapping area Knowledge / N. Smith // Remaking Area Studies: Teaching and Learning across Asia and the Pacific. — Honolulu : Univ. of Hawaii's Press, 2010. — P. 24–40.
13. Beazley C.R. Prince Henry the Navigator. The Hero of Portugal and Modern Discovery 1394–1460 / C.R. Beazley. — London, 1968. — 325 p.
14. Stamp T. James Cook, Maritime Scientist / T. Stamp, C. Stamp. — Caedmon of Whitby, 1978. — 159 p.
15. Никитин А. Чешские полицейские выступили против попыток скрыть преступления мигрантов / А. Никитин // Взгляд : деловая газ. — URL: <https://vz.ru/news/2017/3/3/860324.html>.
16. Лаца А. Как живет Франция / А. Лаца // Познавательное ТВ. — URL: https://www.youtube.com/watch?v=G_yGVWxC9LU.
17. Вильчек Ф. Тонкая физика / Ф. Вильчек. — Санкт-Петербург : Питер, 2017. — 210 с.
18. Артемова О.Ю. Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине / О.Ю. Артемова. — Москва : Наука, 1987. — 197 с.
19. Бутце Г.В. В сумерках тропического леса / Г.В. Бутце. — Москва : Географгиз, 1956. — 324 с.
20. Грин Л. Последние тайны старой Африки / Л. Грин. — Москва : Мысль, 1966. — 269 с.
21. Кабо В.Р. Первобытная доземледельческая община / В.Р. Кабо. — Москва : Наука, 1986. — 302 с.

22. Косвен М.О. Преступление и наказание в догосударственном обществе / М.О. Косвен. — Москва : Гос. изд-во, 1925. — 140 с.
23. Косвен М.О. Половые отношения и брак в первобытном обществе / М.О. Косвен. — Москва : Молодая гвардия, 1927. — 177 с.
24. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. — Москва : Акт, 2004. — 635 с.

REFERENCES

1. Demina N.A., Chzhu Kantszi. *Stranovedenie Kitaya* [Area Studies of China]. Moscow, Tolmach Publ., 2018. Pt. 1. 229 p.
2. Dracheva E.L. *Stranovedenie. Germaniya. Italiya. Finlyandiya* [Area Studies. Germany. Italy. Finland]. Moscow, Knigodel Publ., 2018. 532 p.
3. Klimanova O.A., Klimanova V.V., Sirotnin V.I. *Geografiya. Stranovedenie* [Geography. Area Studies]. Moscow, Drofa Publ., 2017. 290 p.
4. Kuzhel Yu.L., Yavorskaya A.O., Khristov T.T. *Stranovedenie — OAE, Yaponiya, Kitai* [Area Studies — the UAE, Japan, China]. Moscow, Knigodel Publ., 2020. 278 p.
5. Leonovich O.A. *Stranovedenie. Velikobritaniya* [Area Studies. The United Kingdom]. Moscow, KDU Publ., 2020. 179 p.
6. Tokareva N.D., Peppard V. *Amerika. Kakaya ona?* [What it is Like in the USA]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 2016. 348 p.
7. Dergachev V.A. *Regionovedenie* [Regional Studies]. Moscow, Yuniti-Dana Publ., 2004. 250 p.
8. Kuijper H. Area Studies versus Disciplines: Towards an Interdisciplinary, Systemic Country Approach. *The International Journal of Interdisciplinary Social Sciences*, 2008, vol. 3, iss. 7, pp. 205–216.
9. Miyoshi M., Harootunian H.D. *Learning Places: The Afterlives of Area Studies*. Durham, Duke University Press, 2002. 424 p.
10. Schäfer W. Reconfiguring Area Studies for the Global Age. *Globality Studies Journal*, 2010, no. 22. Available at: https://www.researchgate.net/publication/292427453_Reconfiguring_area_studies_for_the_global_age.
11. Sideway J.D. Geography, Globalization and the Problematic of Area Studies. *Annals of the Association of American Geographers*, 2013, vol. 103, iss. 4, pp. 984–1002.
12. Smith N. Remapping area Knowledge. *Remaking Area Studies: Teaching and Learning across Asia and the Pacific*. Honolulu, University of Hawaii's Press, 2010, pp. 24–40.
13. Beazley C.R. *Prince Henry the Navigator. The Hero of Portugal and Modern Discovery 1394–1460*. London, 1968. 325 p.
14. Stamp T., Stamp C. *James Cook, Maritime Scientist*. Caedmon of Whitby, 1978. 159 p.
15. Nikitin A. Czech police officers protested against attempts to cover crimes committed by migrants. *Vzglyad*. Available at: <https://vz.ru/news/2017/3/3/860324.html>. (In Russian).
16. Latsa A. How France lives. *Poznavatelnoe TV*. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=G_yGVWxC9LU. (In Russian).
17. Wilczek F. *Lightness of Being*. New York, 2009. (Russ. ed.: Wilczek F. *Tonkaya fizika*. Saint Petersburg, Piter Publ., 2017. 210 p.).
18. Artemova O.Yu. *Lichnost' i sotsial'nye normy v rannepervobytnoi obshchine* [Person and Social Norms in the Early Primitive Community]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 197 p.
19. Butze H. *Im Zwielficht der tropischen Wälder. Landschaft, Mensch und Wirtschaft*. Leipzig, F.A. Brockhaus Verlag, 1954. 446 S. (Russ. ed.: Butze H. *V sumerkakh tropicheskogo lesa*. Moscow, Geografiz Publ., 1956. 324 p.).
20. Green L.G. *Old Africa's Last Secrets*. London, 1961. 278 p. (Russ. ed.: Green L.G. *Poslednie tainy staroi Afriki*. Moscow, Mysl' Publ., 1966. 278 p.).
21. Kabo V.R. *Pervobytnaya dozemledel'cheskaya obshchina* [Primitive pre-agricultural community]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 302 p.
22. Kosven M.O. *Prestuplenie i nakazanie v dogosudarstvennom obshchestve* [Crime and punishment in the pre-state society]. Moscow, Gosudarstvennoe Izdatel'stvo Publ., 1925. 140 p.
23. Kosven M.O. *Polovye otnosheniya i brak v pervobytnom obshchestve* [Sexual relations and marriage in primitive societies]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 1927. 177 p.
24. Fromm E. *The Anatomy of Human Destructiveness*. New York, Rinehart and Winston, 1973. 498 p. (Russ. ed.: Fromm E. *Anatomiya chelovecheskoi destruktivnosti*. Moscow, Act Publ., 2004. 635 p.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иншаков Сергей Михайлович — профессор кафедры национальной безопасности и правоохранительной деятельности Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: insmi@yandex.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Inshakov, Sergei M. — Professor, Chair of National Security and Law Enforcement, Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University, Doctor of Law, Professor, Honorary Lawyer of the Russian Federation, Moscow, the Russian Federation; e-mail: insmi@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Иншаков С.М. Криминологическое страноведение как направление научного познания преступности / С.М. Иншаков. — DOI 10.17150/2500-4255.2021.15(2).159-166 // Всероссийский криминологический журнал. — 2021. — Т. 15, № 2. — С. 159–166.

FOR CITATION

Inshakov S.M. Criminological aspect of area studies as a trend in the scientific study of crime. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2021, vol. 15, no. 2, pp. 159–166. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(2).159-166. (In Russian).